

*Кристоферу Нолану, с которым мы никогда
не встречались, но без которого этой истории не было бы*

КОРПУС МЕЖПЛАНЕТНОЙ
МОРСКОЙ ПЕХОТЫ
ДЕПАРТАМЕНТ БУДУЩЕГО
И УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЙ МЕМОРАНДУМ
ДЛЯ АРХИВА

ОПРАШИВАЕМЫЙ: капитан Квентин Томас,
КММП, Департамент ресурсов и полезных
ископаемых

ОПРАШИВАЮЩИЙ: старший офицер
Эвелина Уоттс, КММП, Департамент будущего
и устойчивого развития

ДАТА: 15 ноября 2115 года

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: космическая станция
«Вавилон», крыло 2724, блок F, отсек 13

УОТТС: Томас... Томас! Я собираюсь включить запись. Согласны? Томас... Томас!

ТОМАС: Что, простите?

УОТТС: Я сказала, что включаю запись, согласны?

ТОМАС: Всегда готов.

УОТТС: Ох, прошу прощения... Запись уже идет (*откашливается*). Беседуют Эвелина Уоттс, старший офицер Департамента будущего и устойчивого развития, уровень 19-90201-8, и Квентин Томас, капитан «Водолея-3». Квентин, клянетесь ли вы, что ваше заявление и информация в отношении событий, имевших место на планете Парадиз 13 ноября 2115 года, точны и правдивы?

ТОМАС: Клянусь.

УОТТС: Напомню, что ложь офицеру приравнивается к измене и влечет за собой не только уволь-

нение с позором, но и пожизненное заключение в тюрьме 347–2, известной также как «Бесконечная ночь».

ТОМАС: Эвелина, а нельзя пропустить всю эту хрень? Протокол мне известен. Сам ведь тебя учил, бога ради!

УОТТС: Томас, я просто выполняю свою работу.

ТОМАС (*обреченно вздыхает*).

УОТТС: Итак, что вы можете рассказать о событиях, предшествовавших 13 ноября 2115 года? А именно 19:00 по местному времени, именуемым впредь «Час полуночи»?

ТОМАС (*откашливается*): Значит, так...

66 часов до Полночи

Все началось до смерти Кая.

Она просто потрясла меня. Наши с Каем отношения были словно нескончаемая беседа. Мы никогда не говорили «привет» или «пока», просто будто нажи-мали на паузу, потом на воспроизведение, продолжая как ни в чем не бывало. Мы могли прерваться на сон, после чего открывали глаза и продолжали разговор.

Мы хорошо узнали друг друга за время полуто-довых экспедиций. Рядовые обычно опасаются этих путешествий в никуда и обратно, но не Кай. Скажем честно: большинство рядовых — даже первоклассные техники вроде Кая — предпочитают жизнь на стан-ции «Вавилон». Дважды в год отправляешься добы-вать лед, затем летишь домой играть в уличный ба-скетбол и узнавать, удалось ли ботаникам вырастить руколу, вот и все. Никто не жаждет втиснуться в ис-следовательский модуль размером со спальню на «Ва-вилоне» и нырнуть в бездну на полгода.

Иное дело Кай. Он всегда был в игре. Он хранил Запретный Каталог, в котором собрана вся культура Старой Земли после 1955 года, — каталог этот запре-щен на «Вавилоне» под страхом отправки в вакуум. Думаю, ему нравилось смотреть фильмы и сериалы и болтать про них днями напролет. И он готов был потратить на это полгода жизни.

Впрочем, слова «день» или «год» больше ничего не значат. Просто пережитки, оставшиеся от мерт-вой планеты. Что значит «день», если нет рассвета,

что значит «год», если не вращаешься вокруг Солнца? И все же мы тащили эти слова за собой, как лишний груз. Делали вид, что «день рождения» что-то значит, хоть и нет никаких «дней» — есть только время, когда мы считаем нужным спать, и время, когда решаем проснуться; и есть время, когда мы решаем задувать свечи и есть торт.

Вот почему я вызвался добровольцем в исследовательские экспедиции. Жизнь на «Вавилоне» комфортна, и это меня пугает. Потому что без планеты мы уже, считай, не люди. Скорее галактические бродяги. Космический мусор.

Большинство из нас за всю жизнь не слышали ни одной новой песни. Не то чтобы мы не могли на «Вавилоне» сочинять музыку. Просто не сочиняем. Играем старые хиты. Кавер-группы и вечера караоке. Чем-то жизнь на «Вавилоне» не вдохновляет на новые мелодии. Может, это как восход солнца, проецируемый на громадные полукруглые экраны в столовой. Чертовски яркий, но от него ни хрена не растет.

Мы с Каем говорили об этом почти неделю.

— Кем ты хотел стать, когда вырастешь? — как-то спросил он.

Кай постоянно задавал глупые вопросы, как первоклассник.

Думаю, ему нравилось, что я всегда отвечаю серьезно.

— Если честно, то музыкантом.

— Серьезно?

— Глупо, да?

— То есть хотел работать в караоке-баре?

— Да нет. Мечтал, типа, сочинять музыку. Создавать что-то новое, — объяснил я.

— Ух ты, классно.

Мы летели на «Водолее-3» — одинокая точка в бес-
предельной зевоте Космоса.

— Думал когда-нибудь, как все было бы по-друго-
му, живи мы в прежние дни на Старой Земле? Где-ни-
будь в двадцать первом веке? — спросил Кай.

— Ага. Часто думаю. Типа, как получилось, что мы
все торчим на космической станции?

— Кухня на «Вавилоне», кстати, гораздо лучше,
чем тюбики, которые у нас здесь.

— Подумай, Кай: мы жили на той планете тысяче-
летиями. И однажды потеряли все. Теперь все фаль-
шивое. Даже гравитация. Ты знаешь, что на Старой
Земле не каждый мог в баскетболе забросить мяч
сверху?

— Да ладно!

— Серьезно. Гравитация — настоящая, земная —
была гораздо сильнее, чем на «Вавилоне».

— Чувак, я смотрел сезонов пятнадцать игр НБА —
там у всех получалось забрасывать сверху.

— Ну еще бы, все эти парни были сверхталантли-
вые гиганты, — объяснил я.

— Хочешь сказать, что на Старой Земле нужно
было обладать сверхталантом, чтобы забрасывать мяч
сверху?

— По сути, да. Про это я и говорю.

— Черт. Тогда что в этом было особенного?

— Кай, в те времена у человека была мечта, и он
совершенно сознательно стремился к ней. Не нужно
было беспокоиться о пище, запасах воздуха, воды; или
возиться со шлюзами, рискуя оказаться в открытом
космосе. Люди творили. Создавали новое. Музыку, се-
риалы, книги, фильмы.

— Да, но было ли у них время все это смотреть
и читать? — спросил Кай.

— У них и без того имелись занятия получше.

— Лучше, чем смотреть шестираундовый бой Джеймса Кэмерона против Ридли Скотта в космосе?

— Да, лучше. Ты же видел снимки. Открытая местность, насколько хватает глаз. Океаны невообразимого размера.

— Мне бабушка рассказывала про океаны, — сказал Кай. — Это как космос, только внизу синяя вода, а сверху голубое небо.

— Только представь. Жить под небом каждый день.

Кай закрыл глаза.

— Да...

— И представь, что творится с твоим мозгом. Вообще с тобой. Жить всю жизнь без купола. Без потолка. Без Дела. Только ты, свободный творец. Или просто свободный.

— Томас, мы не рабы.

— Нет? Мы мобилизованы. Ты не можешь делать ничего не согласованного с Делом. Вот поэтому мы и смотрим фильмы. Слушаем музыку. Не пойми меня неправильно, наш Каталог невероятен, но нам нужно... не знаю...

— *Нечто большее?* — вклинилась Талия.

Кай от неожиданности вылупил глаза. Недавнее обновление корабельного искусственного интеллекта Талии могло свести с ума. Она постоянно встревала в разговор, заканчивая за нами мысль. Кай до сих пор так и не привык.

— Ага, — сказал я. — *Нечто большее.*

Глава вторая

Мы помолчали, потом Кай замурлыкал старую песню Боба Марли «Любовь ли это». Я сразу понял, о чем он думает. Да это и несложно, если провести три месяца в такой тесноте с этим парнем. Каю только что разбили сердце... Хотя этими словами даже не опишешь весь ужас того, что случилось с Каем. Скорее, вырвали сердце, как в фильме «Индиана Джонс и храм судьбы», растоптали на тротуаре, как в «Американской истории Икс», и бросили в мусорный блок, как в «Эпизоде IV: Новая надежда», а потом вышвырнули в пространство, как в «Чужих», и сердце в итоге лопнуло, как в боевике «Вспомнить все». Уделали парня почему зря.

— «Я хочу любить и оберегать тебя», — фальшиво пропел Кай.

— Все нормально, Кай. — Я пожал ему плечо.

— *Да, Кай, все нормально*, — произнесла Талия самым утешительным тоном.

— Спасибо тебе, Томас. И тебе спасибо, стенерированный искусственным интеллектом женский голос.

— *На здоровье.*

— Просто у нас с Бонитой Эпплбум все конечно, понимаешь?

— Ну...

— Мы были такой замечательной парой... И все друзья так считали. Мы собирались внести вклад в следующее поколение, вместе делать маленьких Бонит Эппл-Каев. Это было предназначено нам звезда-

ми! Нам обоим нравилось разноцветное мороженое, и мы заканчивали предложения друг за друга.

— Кай, а вот Талия тоже заканчивает за нами предложения. И что это означает? — осторожно спросил я.

— Черт, будь у нее попка, как у Бониты, мы могли бы поболтать.

— *Кай, не хотелось бы разрушить нашу дружбу. Дело не в тебе, дело во мне.*

Кай покачал головой.

— Теперь она еще и шутит. Гребаное обновление.

Талия была у нас как третье колесо. Не в плохом смысле, а как третье колесо в трицикле. Все корабли исследовательского класса оснащены искусственным интеллектом Талии. Она — главный элемент управления «Водолеем». Так что она всегда рядом, когда мы смотрим фильмы и тоскуем по древней поп-культуре. Перед возвращением на «Вавилон» нужно будет стереть все это из памяти Талии. Иначе Талия нашего «Водолея» свяжется с системой центральной Талии «Вавилона», о нашем Запрещенном Каталоге станет известно, и Аудиторы заведут на нас дело, отстранят от полетов и выбросят в космос.

Так что Талия заново знакомится с нами в каждой экспедиции. Она смотрит наши фильмы, и набирается фраз вроде «Дело не в тебе, дело во мне», и поражает нас своим быстрым развитием. Это единственный женский голос, который мы слышим на протяжении полугода... Похоже, мы не против и пофлиртовать с ней. Понимаю, это странно, но так теперь обстоят дела. Люди далеко от Земли, и все не так, как надо.

— Как думаешь, что она сейчас делает там, на Парадизе?

— Кай, не стоит дразнить воображение по этому поводу.

— Ну, давай, Томас. Может, она сейчас на каком-нибудь речном пароме...

— ...плывет по главной речной артерии Элизима...

— Сходит на берег и идет... скажем, на спектакль. На мюзикл. Например, «Гамильтон». Только еще с рэпом про Обаму.

— А на обед, может, свежесловленная рыба. Но послушай, Кай...

— Обедает, сидя напротив... — Кай замолчал и сжал лоб пальцами.

Я бы снова погладил его плечо, но и так уже почти протер ему форму, поэтому решил просто похлопать по спине.

— Не лучшее упражнение для мозгов, — сказал я.

Вот так: думать про Парадиз — всегда дар и проклятие. На *второй* обитаемой планете человечества, Парадизе, население составляет 144 000 человек — и ни одним больше.

Для восьми миллионов обитателей космической станции «Вавилон» запасов едва хватает. Каждый звездный год некоторое количество вавилонян — в зависимости от изменения населения Парадиза — попадает в число Избранных. Для поддержания жизни вида на Парадизе требуется немало физических и эмоциональных сил. Всем хочется попасть на транспортник, следующий к Парадизу, пока остальные продолжают искать новые земли и ресурсы.

Парадиз — это дом для Ультра-85, восьмидесяти пяти семей со Старой Земли, ответственных за сохранение жизни человечества. Наши отцы-основатели и легенда о них надолго останутся жить среди звезд. Они создали межзвездную миссию «Вавилон» для поиска новой пригодной для жизни планеты. И мы мечтаем однажды соединиться с первопроходцами, вдохнуть воздух и пройти по траве Парадиза.

Любому вавилонянину трудно думать о Парадизе без приступов тоски, но для Кая все гораздо хуже. На Избрании этого года Совет «Вавилона» выбрал подругу Кая, Бониту Эпплбум, для отправки на планету Парадиз. А Кая не выбрали.

Кай рассказал, что они обещали друг другу ни за что не расставаться. Даже если одного выберут, а другого — нет. И вот пришло время. Бонита все же отправилась с транспортником к Парадизу.

Вроде понятно.

Но моего друга просто перекурило.

— Томас, хочу спросить... А чем твой папая занимается на Парадизе?

Вопрос застал меня врасплох.

— Знаю, ты не любишь об этом говорить, — добавил Кай.

— Да нет, Кай, со мной ведь нет запретных тем. То, что моего папу выбрали, — это честь. Нам с тобой повезло хотя бы знать людей, отправившихся на Парадиз. Хотя иногда возникают и другие чувства по этому поводу.

— Да уж.

— Наверное, я уже привык. У меня было больше времени, чем у тебя, — добрых сорок лет, — ска-

зал я. — И в их честь мы должны сосредоточиться на текущей задаче.

— Обеспечивать «Вавилон» воздухом для дыхания, пространством для жизни, ресурсами для выживания, — отчеканил Кай. — Ура!

— Точно, но только не все так кошмарно. Нужно ли напоминать о часах кинематографического блаженства, которые нас ждут?

— Ты прав. — Кай, ухмыльнувшись, покачал головой. — Как ты говорил, когда записывался в экспедицию, у нас есть удобные пластиковые кресла, экран, как в кинотеатре...

— Выращенные на гидропонике соевые бобы в стручках, — напомнил я, подняв упаковку замороженной закуски.

— ...Запретный Каталог и весь бесконечный космос. Давай зажжем.

Глава третья

Я вырос в безусловной вере в миссию «Вавилона».

В нашем семейном отсеке Дело было религией. Мы верили, что расселение человечества по галактикам — настоящее призвание нашего вида. Основопологающий текст Ультра-85, «Ультраномикон», восходит к временам Земли. Папа постоянно цитировал главы и стихи о том, как семь миллионов лет назад первые человеческие существа начали ходить прямо и разговаривать руками, ну как итальянцы. И с тех пор человек эволюционировал, чтобы приспособиться к жизни в космосе. Первые большие города дали представление, каково это — жить в отсеках на головах друг у друга. Мощные дороги заставили забыть об ощущении земли. Колеса сделали наши ноги вторичным средством передвижения. Изобретение полета освободило от уз гравитации. Жизнь в наших отсеках стала богаче, насыщеннее. Экраны предоставляли смену пейзажа. Все отсеки были объединены в сеть, и мы постоянно оставались на связи.

Дело Ультра стало кульминацией этой эволюции. Отправиться навстречу неизведанному. Создавать и совершенствовать системы, служащие поколениям. Воплотить предназначение человека как жителя галактик и продлить наше существование за пределами сгоревшей Земли.

Мы придерживаемся земного календаря. «Вавилон» — это космический город весом в пять миллионов тонн, свободно парящий мегаполис: покрытые коврами коридоры вместо улиц, нагро-

можденные друг на друга кубики жилых блоков, места для прогулок с керамическими панно, посвященными временам года Старой Земли. Для праздничных вечеринок мы замораживаем снег из водных запасов. Наша библия — «Ультраномикон». Мы пересказываем истории героического Исхода восьмидесяти пяти глав семей — нашего пантеона святых. Почтенные Овердеки, Дейнджермонды и ДоррМуры — патриархи знаменитых кланов, чьи славные деяния позволили сердцу человечества биться в безвоздушной мечте космоса. Мы рассказываем истории о них, например, об основателе Ультра — Ройсе Бондермане, гениальном технике, на которого снизошло озарение во время посещения спа-салона. Старый Бондерман ясно увидел, что Земля обречена, и понял, как спасти нас. В «Ультраномиконе» рассказывается, что спасение нашего вида пришло с галлюцинацией в сауне спа-салона под названием «Омоложение». У Бондермана случилось откровение, как у Ноя с Богом, только ковчег Бондермана стал техническим шедевром на 67 миллиардов долларов под названием «Вавилон».

Как и остальные Ультра, семья Бондермана ныне проживает на Парадизе. А у нас на «Вавилоне» Ройса Бондермана поминают как святого покровителя хороших идей. И в качестве подарка каждый вавилонянин получает на день рождения обслуживание в «Омоложении». Каждый год мы выходим из спа-салона обновленными и готовыми служить, повиноваться и бороться за выполнение человеческой миссии Ультра.

Кай считал все это надувательством. А я верил. Иначе трудно прожить. Если бы я не мечтал взять эстафету из рук отца, я бы пропал. Вместо того чтобы вглядываться в громадные и таинственные возможности звезд, я смотрел бы в пустоту бездны.

— Томас, кто мы — космические вояки, как в «Чужих» Джеймса Кэмерона, или скорее дальнобойщики, как в «Чужом» Ридли Скотта?

— Ну, судя по нашей элегантной форме, субординации и военной подготовке, я бы сказал, что мы явно военные.

Кай тихо хмыкнул.

— Не согласен?

— Все-таки что же мы на самом деле тут делаем, Томас?

— Рядовой Кай, только в рамках данного обсуждения называйте меня капитан Томас.

— Так точно, капитан. Но от этого смысл нашей миссии не меняется.

— Пожалуй, нет, — согласился я.

— Мы занимаемся поиском ресурсов, — сказал Кай.

— Правильно.

— Мы загружены железом, никелем, платиной... везем или, лучше сказать, *буксируем*...

— Кажется, я понимаю, к чему ты клонишь.

— Быть может, я ошибаюсь, Томас... капитан Томас... но корабль «Ностромо» — это «космический буксир», если верить Рипли.

— Рядовой Кай, мы — часть КММП, Корпуса межпланетной морской пехоты. А значит — военные. И звания у нас военные. Черт... У «Водолея»